

СУДЬБА ДВАЖДЫ РЕПРЕССИРОВАННОГО

ИВАНЦОВ В. Г.

LIFE OF FORMER
POLITICAL PRISONER

IVANTSOV V. G.

В статье на основе архивных следственных материалов рассматривается судьба жертвы политических репрессий — Александра Исаковича Кулаева.

The evidence-based article considers the life of Alexander Isakovich Kulaev, the victim of political repression.

Ключевые слова: А. И. Кулаев, репрессия, Дагестанский НИИ сельского хозяйства.

Keywords: A. I. Kulaev, repression, Dagestan Agricultural Research Institute.

УДК 94(477)

Молох сталинских репрессий перемолол до сих пор точно не известное число граждан СССР. Известно, что с 1954 до начала 1991 г. было реабилитировано, включая, в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г., всех репрессированных несудебными органами («тройками» и «особыми совещаниями»), более 2 млн чел. [1]. Страшные своим трагизмом и драматизмом судьбы!

Одна из них — капля в море репрессий и страданий — судьба Александра Исаковича Кулаева [2].

8 октября 1937 г. заседание бюро Дагестанского обкома ВКП(б) приняло постановление о снятии с работы заводделом печати и издательств обкома буржуазного националиста.

В тот же день А. И. Кулаев был арестован и подвергнут обыску. Постановление об аресте гласило: изобличается как участник буржуазно-националистической контрреволюционной организации, готовившей свержение Советской власти в Дагестане. Обвинение квалифицировали по статье 58–7–11.

29 октября А. И. Кулаеву предъявили дополнительные обвинения: расширял базу антисоветской работы за счет насаждения антисоветских элементов, вредил на идеологическом фронте. В связи с этим обвинение было усилено и переклассифицировано на статью 58–1а–2–7–8–11 (измена Родине, шпионаж; захват власти в центре или на местах с целью отторгнуть от СССР часть ее территории; подрыв госпромышленности, транспорта, торговли; совершение террористических актов; всякого рода организационная деятельность, направленная к преступлениям).

Человек, для которого после этого начались годы следствия, заключения в лагерь, затем ссылка на поселение, имел до ареста безупречную биографию, неоднократно утверждавшуюся разными партийными органами.

А. И. Кулаев родился в 1898 г. в с. Ардон, Ардонского района Северной Осетии. С 1913 до конца 1917 г. работал рабочим на нефтяных промыслах Кубани. В декабре уехал на родину.

В 1918 г. после окончания подготовительных курсов зачисляется в Политехнический институт г. Владикавказ. Здесь в августе вступает в ряды РКП(б). Через четыре

месяца направляется в Тифлис, где входит в подпольную парторганизацию рабочих телеграфа. По заданию организации в качестве счетовода работает в Горском меджлисе (правительстве).

В мае 1920 г., после советизации Северной Осетии, возвращается во Владикавказ. В июне направляется в г. Грозный на должность начальника военно-окружного политпросвета и становится членом Грозненского окружкома РКП(б).

В марте 1921 г. перебрасывается во Владикавказ, где до ноября возглавляет Управление по проведению коллективизации в составе Народного комиссариата земледелия Горской республики.

В конце 1921 г. направляется в г. Тифлис в отдельную Кавказскую армию на должность начальника партстроительства дивизии, где находится до марта 1924 г. Принимал участие в подавлении меньшевистского восстания в Озургетах.

С апреля 1924 до марта 1927 г. — на партийной работе во Владикавказе в качестве заведомоделом, а затем первого заместителя секретаря обкома партии.

В марте 1927 г. А. И. Кулаев выезжает в г. Закаталы Азербайджанской ССР и устраивается на работу уездным агрономом. При допросе в ноябре 1937 г. причиной такой смены профессиональной деятельности А. И. Кулаев назвал болезнь — плеврит легких. В автобиографии, датированной 1935 г., а затем в личном заявлении в 1955 г. А. И. Кулаев пишет, что уехал в Закавказье по предложению Восточного отдела Коминтерна, с целью подготовки к работе в Коммунистической партии Турции, в т. ч. для изучения турецкого языка. Это противоречие в мотивах выезда в Закаталы в следственном деле А. И. Кулаева нигде не разъясняется.

С августа 1928 г. до марта 1935 г. А. И. Кулаев в Москве. В столице учится в Аграрном институте Коммунистической академии, затем в Институте красной профессуры. Вместе с тем с начала 30-х гг. преподает как доцент, а следом как профессор Коммунистического университета трудящихся Востока. По партийной линии является председателем Комиссии по приему в партию Хамовнического райкома ВКП(б).

В марте 1933 г. А. И. Кулаев направляется в Дагестан. До своего ареста работает начальником политотдела Махачкалинской МТС, первым секретарем Кумторкалинского райкома партии, завотделом печати и издательств обкома ВКП(б).

При первом допросе 10 ноября 1937 г. А. И. Кулаев показал, что действительно является членом антисоветской буржуазно-националистической организации в Дагестане, в которую был завербован секретарем Дагобкома ВКП(б) Н. П. Самурским [3]. В период нахождения в Москве был тесно связан с идеологом националистического подполья А. А. Тахо-Годи [4]. В протоколе допроса указано, что свое согласие стать членом антисоветской организации А. И. Кулаев дал Н. П. Самурскому летом 1934 г. При этом интересовался составом руководства организации. Н. П. Самурский назвал следующих лиц: председатель ДагЦИК М. А. Далгат [5], нарком местной промышленности Х. Ханмагомедов [6], нарком земледелия Х. Г. Тагиев [7], нарком просвещения А. А. Тахо-Годи. Н. П. Самурский также сказал, что организация тесно связана с А. И. Рыковым [8] и М. П. Томским [9]. Объясняя А. И. Кулаеву причины создания организации, Н. П. Самурский утверждал, что построение социализма в Дагестане без прохождения буржуазно-демократического этапа невозможно. Поэтому целью организации является вооруженное восстание, свержение Советской власти и восстановление буржуазно-демократического строя. На предложение следователя назвать людей, входящих в террористические группы, А. И. Кулаев ответил, что назвать их не может. На вопрос следователя о конкретной подрывной работе, которую проводил А. И. Кулаев, был дан следующий ответ: «Работая секретарем райкома партии, я умышленно создавал перегибы в деле коллективизации и подвергал насильственному обобществлению не только коров, но и телят. Особо практиковался один из методов вредительства — очковитительство, сводки обычно составлялись завышенными..., я продвигал и защищал контрреволюционные кадры: секретаря Кизлярского райкома партии Сорокина [10], руководителя научно-исследовательского института Гаджибекова [11]. Вместе с зав. школьным отделом обкома ВКП(б) Шамхаловым рекомендовали директором Дагестанского издательства Нурува [12]». На вопрос — кто лично вами был завербован в антисоветскую организацию, А. И. Кулаев ответил, что вербовкой не занимался.

Дело А. И. Кулаева, начатое в октябре 1937 г. и не претерпевшее в части обвинений, по сути, никаких изменений, следствием Управления госбезопасности НКВД Дагестана было закончено 2 марта 1939 г. и направлено на заключение военному прокурору Северо-Кавказского военного округа. За это

время А. И. Кулаев был допрошен шесть раз. При последних допросах А. И. Кулаев, изначально признававший себя виновным в предъявленных обвинениях, от своих показаний отказался.

13 ноября 1939 г., за месяц до истечения установленного срока следствия, дело А. И. Кулаева было возвращено в Дагестан для доследования. Военная прокуратура потребовала установить конкретную антисоветскую деятельность А. И. Кулаева в Северной Осетии и Дагестане и его фактическую причастность к антисоветскому подполью. В частности, указывалось на необходимость документировать пункты обвинения А. И. Кулаева во вредительстве в период его работы секретарем райкома партии и заводом Дагобкома ВКП(б).

По существу, это обозначало невозможность подтвердить обвинения А. И. Кулаеву и вынести приговор на основе материалов, представленных НКВД ДАССР.

Дело А. И. Кулаева о доследовании было принято к производству и 27 декабря 1939 г. вынесено постановление о продлении срока следствия.

До этого времени А. И. Кулаев проходил по следственному делу, обвинявшего его, вместе с другими ответственными работниками Дагестана: Х. И. Ибрагимовым [13], А. Г. Сеид-Гусейновым, Ю. Н. Шовкринским [14], Ш. Т. Даветовым. В феврале 1940 г. Нарком внутренних дел ДАССР Пантелеев утвердил постановление о том, что в ходе дополнительного следствия «организационной связи о совместной антисоветской деятельности указанных лиц не усматривается». Ввиду этого было принято решение — следственные материалы выделить для каждого в отдельности.

При допросе в феврале 1940 г. на вопрос следователя, с чем связан отказ А. И. Кулаева от ранее данных показаний последовал ответ: «Эти показания я дал потому, что ко мне применили меры репрессий [15], и от этих показаний я категорически отказываюсь, об этом я подавал заявление неоднократно».

В ходе дополнительного следствия постановление от 11 марта 1940 г. констатировало: «Обвинение Кулаева по статье 58-1а-7-8 Уголовного кодекса, т. е. измена родине, шпионаж, подрыв государственной экономики и причастность к террору, следствием не доказана». Вместе с тем утверждалось, в 1924—1926 гг. в Северной Осетии А. И. Кулаев вошел в антисоветское подполье, участвовал в нелегальных совещаниях. Находясь в Москве, А. И. Кулаев поддерживал связь с

А. А. Тахо-Годи. В Дагестане вошел в контакт с Н. П. Самурским и вел работу по срыву социалистического переустройства сельского хозяйства. Постановление переквалифицировало ранее предъявляемое к А. И. Кулаеву обвинение по статье 58-2-10-11.

Для прояснения обвинения по Северной Осетии А. И. Кулаев был привезен в г. Орджоникидзе. В здании НКВД при очной ставке с Д. Такоевым и Г. Дзагуровым, обвинявшихся в антисоветской деятельности, А. И. Кулаев отрицал свою причастность к осетинскому националистическому подполью.

В процессе доследования по делу А. И. Кулаева следствие проясняет, что произошло на заседании бюро Дагобкома партии 23 апреля 1936 г. с участием руководителя Северо-Кавказского Управления НКВД Евдокимова. На заседании в прениях выступили Ю. Н. Шовкринский, А. И. Кулаев, А. Г. Сеид-Гусейнов. Смысл их выступлений сводился к тому, что в горах нет необходимых условий для организации колхозов, нет достаточной базы для развития животноводства, т. к. огромная нужда в кормах; в организации колхозов необходима механизация сельскохозяйственного производства, а в горах применение машин почти невозможно, отсюда затруднения в деле коллективизации. Евдокимов осудил эти выступления как тормозящие коллективизацию и не совместимые с пребыванием в партии.

В деле А. И. Кулаева фигурирует письмо редактора газеты «Комсомолец Дагестана» Ушеренко на имя заведомо печати ЦК ВКП(б) Мехлиса. Автор настоятельно просит прислать в Дагестан работника ЦК, чтобы «распутать вражеский клубок в печати». В январе 1940 г. Ушеренко в качестве свидетеля был допрошен в НКВД Дагестана. На вопрос: «В 1937 г. вы писали письма в ЦК ВКП(б) о вражеской работе буржуазных националистов в Дагестане, в частности Кулаева А. И.» был получен ответ: «Фактов антисоветской деятельности Кулаева я не знаю».

После 15 марта 1940 г. дело А. И. Кулаева, законченное следствием, передается в Верховный суд ДАССР для разбирательства в открытом судебном заседании. Однако суд оказался фарсом.

Судебная коллегия Верховного суда 11 июня сообщила начальнику Махачкалинской тюрьмы о том, что заключенного А. И. Кулаева необходимо доставить с конвоем в помещение суда на 15 июня в 10:00. Ранее, еще в марте, нарком внутренних дел ДАССР был извещен о том, что свидетели по делу А. И. Кулаева не могут быть задержаны

до суда над ним ввиду того, что они этапированы в исправительный трудовой лагерь.

Протокол судебного заседания Верховного суда Дагестана от 15 июня констатировал: «Обвиняемый Кулаев в суд не доставлен. Свидетели в суд не явились и вызвать их не предоставляется возможным». С учетом сложившейся ситуации суд решил дело А. И. Кулаева вернуть в прокуратуру ДАССР для направления на Особое совещание (ОС) при НКВД.

28 сентября 1940 г. дело А. И. Кулаева слушалось ОС при наркомате внутренних дел СССР. Вынесенное постановление гласило: «Кулаева А. И. за участие в антисоветской националистической организации заключить в исправительный трудовой лагерь сроком на восемь лет, считая с 8 октября 1937 г.».

Так через три года следствия «правосудие» над А. И. Кулаевым в несудебном порядке свершилось.

До 8 октября 1945 г. Александр Исакович отбывал срок наказания в совхозе МВД СССР в Зеленовском районе Западно-Казахстанской области. Жена А. И. Кулаева Саламова Мария Николаевна отбывала срок заключения в г. Беломорске. Причины и обстоятельства ее заключения нам (В. И.) выяснить не удалось.

После освобождения А. И. Кулаев остался работать агрономом по вольному найму в том же совхозе. Свобода агронома оказалась недолгой. В декабре 1948 г. Управление МГБ по Западно-Казахстанской области арестовало А. И. Кулаева, перевело во внутреннюю тюрьму г. Уральска и привлекло к ответственности по старому обвинению — участие в антисоветской буржуазно-националистической организации. В предъявленном обвинении А. И. Кулаев себя не признал. Причины повторного обвинения в следственном деле не фигурируют. Нет даже упоминания о вновь открывшихся обстоятельствах обвинения.

Дело А. И. Кулаева рассматривалось ОС при МГБ СССР 1 июня 1949 г. Мерой наказания была определена ссылка на поселение. Повторно осужденного несудебным органом этапировали в Красноярский край.

С августа 1949 г. А. И. Кулаев работал на поселении: в Муртанском районе агрономом в совхозе Главсевморпути, агротехником в Казачинском районе, затем агрономом в Курагинском районе. Здесь же вместе с Александром Исаковичем работала его жена. С ними жили их малолетние дети — сын Валентин и дочь Изабелла.

В январе 1955 г. А. И. Кулаев обратился с заявлением на имя первого секретаря ЦК

КПСС Н. С. Хрущева. Он пишет о том, что с октября 1937 г. до ноября 1940 г. находился под следствием. «Военный трибунал и Верховный суд ДАССР отказались судить меня, и я был осужден Особым совещанием за участие в антисоветской организации Дагестана. После отбытия срока вновь осужден на поселение. В 1937 г. нарком внутренних дел ДАССР В. Г. Ломоносов [16], разоблаченный в 1939 г. как враг народа, писал в Москву, что в Дагобкоме работает Кулаев А. И., сын капиталиста. Его жена — дочь помещика, ее братья расстреляны Советской властью. В действительности мой отец и отец моей жены трудовые крестьяне. Братья жены не только не расстреляны, но никогда не были под судом. Один из них, член партии, в настоящее время полковник авиации, другой — колхозный шофер. Считаю, что не трудно проверить факты, документы, которые убедят партию, что я оклеветан врагами коммунизма. Прошу пересмотреть мое дело...».

Обращение А. И. Кулаева на имя Хрущева, возможно, сказалось на его дальнейшей судьбе.

В августе 1955 г. следственный отдел УКГБ по Красноярскому краю предложил А. И. Кулаеву написать собственноручные показания по всем пунктам и сюжетам обвинения. В показаниях на 28 страницах А. И. Кулаев подробно описывает свою жизнь и деятельность до ареста и по пунктам опровергает все, что ему инкриминировали по статье 58.

Заканчивая показания, А. И. Кулаев указал: «Следователю Назаренко за день до этапирования (в конце 1940 г.) я задал вопрос: “Вам известно, что я не виновен, почему меня бросаете в бездну?” Услышал ответ: “Мы действительно не доказали вашу виновность, но выпустить на волю не можем, потому что нет уверенности, что вы не были связаны с Самурским. Кроме того, мы поддерживали вас больше трех лет под следствием, вы должны быть озлоблены”».

28 ноября 1955 г. Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа, рассмотрев протест военного прокурора округа на постановление ОС при НКВД СССР по делу А. И. Кулаева, определил: «Постановление ОС при НКВД СССР от 28 сентября 1940 г. в отношении Кулаева Александра Исаковича отменить и дело о нем в уголовном порядке прекратить за отсутствием состава преступления».

С сентября 1956 г. А. И. Кулаев, восстановленный в партии, начал работать в г. Махачкале старшим научным сотрудником Дагестанского НИИ сельского хозяйства.

Примечания

1. Михайлов Н. Н. Во имя законности, справедливости и правды / Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 7.
2. Материалы о судьбе А. И. Кулаева в настоящей статье извлечены в мае 1991 г. из архивно-следственного дела КГБ Дагестанской АССР: Д. 2/3688. Т. 1, 2.
3. Самурский (Эфендиев) Н. П. (1892—1938). Первый секретарь Дагестанского обкома ВКП(б). В сентябре 1937 г. был исключен из партии как один из идеологов и руководителей контрреволюционной буржуазно-националистической организации в Дагестане. По этим же обвинениям был арестован и 1 августа 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания. 2 июня 1956 г. реабилитирован посмертно.
4. Тахо-Годи А. А. (1892—1937). С 1922 гг. нарком просвещения ДАССР. С 1935 г. замзавотделом школ ЦК ВКП(б). Арестован в 1937 г. по обвинению в буржуазном национализме и антисоветской деятельности. Приговорен к высшей мере наказания. В 1956 г. реабилитирован посмертно.
5. Далгат М. А. (1893—1942). Председатель Дагестанского Центрального Исполнительного комитета. В сентябре 1937 г. обвинен как один из руководителей буржуазно-националистической организации в Дагестане. В 1939 г. военным трибуналом Северно-Кавказского военного округа осужден к высшей мере наказания. В мае 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР заменила расстрельный приговор 20 годами заключения в исправительном трудовом лагере (ИТЛ). В 1942 г. умер в лагере. Реабилитирован в 1956 г. посмертно.
6. Ханмагомедов Х. Г. (1892—1943). Нарком местной промышленности ДАССР. Арестован 10 февраля 1937 г. по обвинению в контрреволюционной вредительской деятельности. В декабре 1938 г. осужден к высшей мере наказания. Приговор позже заменен на 20 лет ИТЛ. Умер в заключении 7 марта 1943 г. В сентябре 1955 г. реабилитирован посмертно.
7. Тагиев Х. Нарком земледелия ДАССР. Заместитель по животноводству Северо-Кавказского земельного управления. Арестован 10 августа 1937 г. в Пятигорске. Обвинялся как член подпольной буржуазно-националистической организации. В декабре 1939 г. осужден на 20 лет ИТЛ. В июне 1940 г. срок заключения был снижен до 15 лет. Освобожден в 1956 г. Умер в 1972 г. Реабилитирован.
8. Рыков А. И. (1881—1938). В 1924—1930 гг. председатель СНК СССР. Обвинялся в правом уклоне в ВКП(б). Репрессирован. Реабилитирован посмертно.
9. Томский (Ефремов) М. П. (1880—1936). В 1922—1929 гг. председатель ВЦСПС. Обвинялся в правом уклоне в ВКП(б). Покончил жизнь самоубийством.
10. Сорокин В. И. (1896—1937). Секретарь Кизлярского райкома ВКП(б). В декабре 1936 г. был обвинен в антигосударственной деятельности, организации вредительства в районе. В сентябре 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. В октябре 1957 г. реабилитирован посмертно.
11. Гаджибеков Г. (1902—1941). Директор Института национальных культур ДАССР. Арестован в сентябре 1937 г. Обвинялся во вредительстве на культурном фронте. Находился под следствием до июля 1940 г. Был этапирован в ИТЛ, где умер в январе 1941 г. Реабилитирован посмертно.
12. Нуров Р. Н. (1889—1942). Директор Дагестанского книжного издательства. Арестован в 1937 г. Обвинялся во вредительской деятельности. В декабре 1939 г. осужден к десяти годам ИТЛ, где умер в 1942 г. Реабилитирован посмертно.
13. Ибрагимов Х. И. (род. в 1904 г.). Завотделом руководящих партийных органов Дагобкома ВКП(б). Арестован в октябре 1937 г. Обвинялся в причастности к антисоветской деятельности. Осужден к ИТЛ, где находился до октября 1942 г. Реабилитирован в 1956 г.
14. Шовкринский Ю. Н. (1902—1943). Партийный работник. До ареста в феврале 1937 г. работал в Пятигорске в историко-лингвистическом институте. Обвинялся в подрывной деятельности на культурном фронте. Осужден к восьми годам ИТЛ, умер в лагере в апреле 1943 г. В 1956 г. реабилитирован посмертно.
15. По отношению к арестованным, особенно с лета 1937 г., широко применялись меры физического насилия, зачастую умственных били до потери сознания. Были случаи, когда после таких допросов арестованные умирали. См.: Ахаев А. Тайна, ставшая явью: мрачные страницы истории НКВД / Дагестанская правда. 1991. 21 мая; Иванцов В. Г. Трагические страницы истории Дагестана 1936—1939 гг. // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы II региональной научной конференции. Краснодар, 2004.
16. Ломоносов В. Г. Нарком внутренних дел ДАССР. Арестован в декабре 1938 г. Обвинялся в грубейших нарушениях социалистической законности, широком применении физических методов воздействия на арестованных, засорении аппарата органов социально — чуждыми элементами. В сентябре 1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания.

Сведения об авторе:

Иванцов Владимир Гаврилович,
канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник, доцент кафедры истории и культурологии СГУТиКД (Сочи).